

Юнь Лэ был человеком нетерпеливым. Узнав, что матушка подыскивает ему пару, а сам он уже положил глаз на Сян Фэна, юноша загорелся желанием поскорее со всем покончить.

На следующий день, прихватив баночку с солеными побегами бамбука, он отправился к домику у подножия задней горы. Калитка была закрыта. Юнь Лэ вытянул шею, заглядывая внутрь, но никого не увидел. Среди бела дня кричать он не решился, опасаясь любопытных глаз прохожих. Потоптавшись на месте и так и не дождавшись хозяина, он решил оставить гостинец и зайти в другой раз. Однако стоило ему развернуться, как он столкнулся с возвращающимся Сян Фэном.

Увидев Юнь Лэ у своих ворот, Сян Фэн не изменился в лице. Он молча отпер калитку и пропустил гостя внутрь.

— Это тебе, соленья принес! — Юнь Лэ протянул банку.

Дождавшись, пока Сян Фэн заберет подарок, юноша не спешил уходить. Он принялся осматриваться. Двор был пустым, позади виднелись лишь две соломенные хижины — восточная и западная, слева притулилась кухня, а что было дальше, разглядеть не удавалось.

Осмотревшись, Юнь Лэ приуныл. Человек-то вроде неплохой, но до чего же бедно живет! Даже крошечного огорода нет. Да и дом этот, крытый соломой, наверняка продувается всеми ветрами.

Сян Фэн наблюдал, как юноша хмурится, разглядывая его жилище. Он прекрасно понимал, что дом его выглядит убого, но ведь построил он его своими руками. Сяо-гэр перед ним явно рос в неге и достатке, так что такое пренебрежение было вполне ожидаемым. И все же на душе стало неприятно, а взгляд его сделался еще холоднее.

Закончив осмотр, Юнь Лэ обернулся и наткнулся на угрюмый взгляд Сян Фэна.

— Ты... ты чего так на меня смотришь? Ударить хочешь? — заикаясь, спросил Юнь Лэ, не понимая, отчего тот вдруг помрачнел.

— Посмотрел — и уходи. Больше не приходи, это место не для тебя.

Услышав, как его выпроваживают, Юнь Лэ вскипел! Он пришел с добрыми намерениями, принес угощение, а его же еще и попрекают! Юноша вытаращил глаза и сердито выпалил:

— Что это значит? Я от чистого сердца принес подарок, а ты еще и нос воротишь!

Сян Фэн не желал продолжать перепалку. Он поставил банку на землю и, отойдя в сторону, занялся делами по хозяйству, холодно бросив:

— Можешь забрать обратно, я не просил.

От этих слов у Юнь Лэ внутри все закипело, а следом нахлынула горькая обида. Глаза его покраснели, и он злобно бросил:

— Не хочешь — выбрасывай! Считаю, что я просто дурак, который лезет не в свое дело! Больше ноги моей здесь не будет!

С этими словами он с грохотом распахнул калитку и выбежал прочь, оставив банку сиротливо стоять на земле.

Отбежав на приличное расстояние, Юнь Лэ пожалел о случившемся. Он ведь пришел узнать, хочет ли Сян Фэн взять его в мужья, а вместо этого поссорился. Но тут же подумал: если он так ведет себя до свадьбы, то что будет после? Нет, это никуда не годится! Минус пятьдесят баллов. Вот пусть теперь заслужит их обратно, тогда и поговорим о женитьбе.

Сян Фэн, услышав всхлипы убегающего юноши, помедлил, а затем широкими шагами вышел со двора. Убедившись, что Сяо-гэр направился в сторону деревни, он со спокойной душой вернулся назад.

Банку с соленьями он в итоге занес на кухню и сам же ее съел. В процессе Сян Фэн подумал, что Сяо-гэр, конечно, избалован, но соленья оказались на удивление вкусными. Вот только теперь, когда он так сильно обидел парня, больше их ждать не стоит.

Как и предполагал Сян Фэн, получив от ворот поворот, Юнь Лэ больше к нему не приближался. Зима выдалась снежной, и Юнь Лэ, не любивший холода, почти не выходил из дома, лишь изредка навещая Мань-гэра. Слишком уж было зябко, да и матушка в зимнее время не искала ему жениха — лучше уж подождать до весны.

С наступлением двенадцатого лунного месяца деревня оживилась. Семьи по очереди забивали свиней. Юнь Лэ за эти дни столько раз отведал свинины, что его лицо стало еще круглее. У них дома тоже оставили одну свинью для себя, и пришло время звать мясника.

Юнь Лэ не мог открыто участвовать в чужих празднествах, зато уж дома-то он отвел душу. Восемнадцатого числа отец с самого утра велел старшему и среднему братьям вместе с младшим вытащить свинью и позвать мясника. Матушка не разрешила Юнь Лэ смотреть на забой, отправив его помогать невесткам греть воду для обработки потрохов.

После забоя часть мяса оставили себе, а остальное продали односельчанам. Отец Юнь Лэ был старостой, поэтому за свинными головами к ним всегда выстраивалась очередь. Юнь Лэ, закончив с водой, помогал чистить потроха и болтал с невестками. Матушка с тетушками готовили угощение — сегодня была их очередь принимать гостей на свинину.

Во дворе Юнь царило оживление. Те, кто купил мясо и не спешил уходить, затевали разговоры, и Юнь Лэ прислушивался. Кто-то из соседей упомянул Сян Фэна, мол, видел, как тот на днях вез оленя в сторону уездного города, наверняка выручил немало денег.

Сян Фэн был пришлым, держался холодно и особняком, поэтому люди побаивались с ним связываться. Но, узнав, что охотник способен добыть даже оленя, многие зашептались. Люди начали окольными путями расспрашивать матушку Юнь Лэ о том, откуда Сян Фэн родом, сколько ему лет и есть ли у него кто из родных.

Юнь Лэ слушал их, и его личико сморщилось. Сян Фэн так хорошо зарабатывает, что на него начали заглядываться другие... Стоит ли ему продолжать свои попытки?

Когда Сян Фэн вошел во двор Юнь, он сразу приметил Юнь Лэ, стоявшего среди людей с таким выражением лица, будто его пятикопеечное личико вот-вот соберется в один сплошной комок досады. Как только охотник появился, во дворе стихло. Юнь Лэ, заметив его, не раздумывая, метнул в него сердитый взгляд, бросил потроха и, шепнув невестке, что пойдет подогреет воды, скрылся на кухне.

Сян Фэн направился туда, где Юнь Маошань торговал мясом. Краем глаза он заметил, как Сяогэр злобно зыркнул на него и удрал, и это его даже позабавило. Но виду он не подал. Сегодня он пришел купить мяса: праздник на носу, да и после продажи оленя можно было позволить себе что-то повкуснее.

— Староста, будьте добры, три цзиня ребрышек и пять цзиней грудинки.

Все так же кратко и по существу. Узнав цену, он озвучил заказ и встал в сторонке, не пытаясь завести лишних разговоров.

Юнь Маошань всегда симпатизировал Сян Фэну. Как староста, он знал, что тот когда-то отличился на службе, но, потеряв всю семью, решил начать жизнь заново. Когда он только приехал, чиновники из уезда просили выделить ему хороший участок под дом. Все думали, что он выберет место в центре деревни, но он, покружив, выбрал клочок земли у задней горы.

Почти год он жил в деревне, вел себя честно, не лез на рожон, но и в обиду себя не давал — настоящий молодец!

Юнь Маошань бодро отозвался и велел старшему сыну нарубить мяса. Когда тот закончил, оказалось, что вышло чуть больше, но староста все равно взял с Сян Фэна цену за восемь цзиней. Сян Фэн, однако, доплатил лишнее, не желая ставить старосту в неловкое положение, чем заслужил еще большее его расположение.

Сян Фэн, неся мясо, вышел со двора. Он ни с кем не здоровался, но перед уходом бросил мимолетный взгляд в сторону кухни: неужели до сих пор не остыл?

<http://bllate.org/book/21456/2193324>